

ПУБЛИКАЦИИ

Константин Лемешев

СОЧИНЕНИЯ ЛИЦЕИСТОВ НА СТРАНИЦАХ АЛЬМАНАХА «ОТДЫХ»

Вступительная статья к публикации материалов из альманаха «Отдых» (его единственный экземпляр, известный на данный момент, хранится в Российской национальной библиотеке) содержит описание альманаха, краткий обзор входящих в него произведений (все они написаны воспитанниками Императорского Александровского Лицея) и краткие биографические сведения о «редакторе-издателе», подписавшемся как «Н. Пушкин». Время составления сборника (конец 1886 — начало 1887 гг.) можно определить на основании сведений, приведенных в одном из текстов. Включив Н. Пушкина в «Предварительный список русских писателей и ученых», С. А. Венгеров снабдил посвященную ему справку ремаркой-вопросом: «правнук А. С. Пушкина?». Изучение материалов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве СПб, заставляет ответить на этот вопрос отрицательно. Тексты самого альманаха разнообразны по составу: художественная проза (короткие рассказы), лирические стихотворения, заметка о лицейском театре и редакторское «Послесловие». Последние два текста содержат интересные подробности, относящиеся к повседневной истории Лицея. Художественные тексты подражательны, что является обычным для детского литературного творчества. В то же время кроме поэтических (преимущественно романтических) штампов и «наивно-го нарратива» в произведениях юных авторов встречаются творческие удачи, свидетельствующие о наличии таланта и о желании его развивать.

Ключевые слова: детская литература, ученические журналы и сборники, лицейские рукописные журналы, лицейские традиции, Императорский Александровский Лицей, Н. Е. Пушкин, С. А. Венгеров

Константин Николаевич Лемешев

Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН
Санкт-Петербург
konstantinkn2013@yandex.ru

Среди персоналий биобиблиографического издания «Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки»¹, над которым его автор, С. А. Венгеров, работал до самой смерти, так и не успев завершить, представлены как известные деятели науки и культуры, так и фигуры малоизвестные. Есть, наконец, и такие, к которым можно было бы применить наименование «раритетная фигура», имея в виду, с одной стороны, единичный характер их появления на литературном поприще, с другой — особый характер их трудов. Нередко материалы, опубликованные такими авторами, не свидетельствуя о высоком уровне литературного мастерства, представляют интерес благодаря сведениям об историко-культурном контексте, в том числе о его малоизученных вариантах (локальных, социальных), и о повседневной жизни ушедших эпох. К числу таких «редкостей», представленных в «Предварительном списке...», может быть отнесен Николай Евгеньевич Пушкин, один из авторов и редактор альманаха «Отдых». Альманах был составлен в конце 1886 — начале 1887 гг. из произведений лицейстов, учащихся в Императорском Александровском Лицее (время составления устанавливается на основании сведений, сообщаемых в одной из статей сборника — фельетоне «Опять благое начинанье...»), Н. Е. Пушкин в то время являлся воспитанником VI-го класса, на что он сам указывает на последней странице издания (см. ниже). Предметом изучения альманах не становился: о нем не говорится в литературе по истории Александровского Лицея и исследованиях, посвященных ученической журналистике, в энциклопедических и библиографических справочниках («Лицейская энциклопедия» [ИАЛ 2013], М. И. Холмов «Русская детская журналистика» [Холмов 1978]) и обзорах (в частности, в обширном обзоре С. Смирнова [Смирнов 1901]). Не упоминается он и в воспоминаниях лицейстов [Императорский Лицей 2011].

На данный момент известен только один экземпляр альманаха, хранящийся в Российской национальной библиотеке (РНБ) — его первый номер (последующих номеров, также как и сведений о них, обнаружить не удалось)². Это небольшой по объему (64 страницы) рукописный литературный сборник, изданный литографским способом, в мягкой обложке (указанный экземпляр имеет также переплет Императорской Публичной библиотеки). На обложке рисунок — вид Александровского Лицея со стороны фасада. Название («Литературный альманах „Отдых“») обрамляет рисунок, изящно сочетаясь с его фрагментами, и выполнено декоративным шрифтом с элементами вязи. В верхней части обложки над центральным

изображением помещен герб Лицея с девизом: «Для общей пользы» (в каталоге РНБ девиз ошибочно стал частью названия). Указание на коллективное авторство лицеистов находим в нижней части обложки: «Издан[ие] воспитанник[ов] курса». Между словами «воспитанник[ов]» и «курса» оставлено место для номера курса, однако он не вписан. Отсутствие номера, вероятно, объясняется тем, что обложка (созданная, безусловно, профессиональным художником) была изготовлена до того, как был определен окончательный состав участников, который мог включать лицеистов разных курсов. Сведения о месте издания приведены на обложке и на 1-й странице («Типолитография Я. Рашкова»), год издания и тираж не указаны. Издание имеет официальный статус — в правом верхнем углу обложки имеется помета: «С разрешен[ия] г. инспек[ора] воспитанник[ов] барона Врангель». Подписью Ф. Ф. Врангеля также заверены страницы 16, 32, 48 и 64.

Содержание сборника составляют сочинения лицеистов — стихотворения и небольшие рассказы, за которыми следует фельетон «Опять благое начинанье...» на тему лицейской театральной жизни и послесловие «От редакции». Имена юных сочинителей в большинстве случаев представлены инициалами, в 2-х случаях автор не указан, один из рассказов, по всей видимости, подписан псевдонимом. Перечислим авторов и произведения в порядке их следования в альманахе:

После грозы (стихотворение; автор не указан); *Н. Е. М.*³ Моя первая любовь (рассказ); *П.* Пророк-поэт (стихотворение); *Юнкер Тесаков.* Прежде и теперь (рассказ); *Р. Р.* Стихотворение («Как румяного заката...»); *А. П.* Стихотворение («Мгла ночная землю покрывает...»); *Н. Пушкин.* Маня (рассказ); *В. С-в.*⁴ Шафгаузен (стихотворение); *А. Веденяпин.* Неудачная охота (рассказ); *И. А. Пустьячек* (стихотворение); Опять благое начинанье... (фельетон; автор не указан); [*Н. Пушкин*]. От редакции.

В этом перечне «Юнкер Тесаков», скорее всего, является псевдонимом, поскольку ни в списках выпускников Лицея, ни в списках воспитанников 1886 — 1887 гг. лицеиста с фамилией «Тесаков» обнаружить не удалось. На последней странице под «Содержанием» находим указание на ответственное за издание лицо: «Редактор-издатель, воспитанник VI класса Н. Пушкин». Неподписанный фельетон, непосредственно предшествующий редакторскому послесловию, скорее всего, не принадлежит редактору-издателю. Из его содержания следует, что его автор — воспитанник XLVII курса (и в описываемое время учился в V классе), в то время как Н. Пушкин

был лицеистом XLVIII курса (и, соответственно, учился в VI, самом младшем классе).

Тематика вошедших в альманах сочинений разнообразна и в то же время закономерна, коль скоро речь идет о 14-18-летних юношах. То же самое относится и к их писательским манерам. Трогательно звучит открывающее сборник стихотворение «После грозы», в котором описание легкости и свежести, ощущаемых после недавней грозы, преобразуется в описание внутреннего состояния лирического героя, завершаясь жизнеутверждающими (с оттенком преодоления: «наперекор судьбе, наперекор невзгодам») строчками: «Я понял тогда — я больной, утомленный, / Что жить еще стоит, что жизнь хороша!» [наст. изд. 345]⁵. Сгущенный пафос и драматизм стихотворения и его финальных строк, вышедших из-под пера подростка, способен вызвать улыбку (скорее ободряющую, чем насмешливую), но в то же время свидетельствует о знании литературной традиции и владении приемами поэтического искусства.

То же самое можно сказать и о других стихотворных опытах лицестов. В стихотворении «Как румяного заката...» лирический герой грустит об уходящей «юности младой» и уходящих вместе с ней силах. Душевные переживания достигают максимальной (а из-за использованного штампа, возможно, чрезмерной и ненатуральной) степени драматизма («в сердце сходит хлад могилы»), но разрешаются в последнем, не лишенном поэтического изящества четверостишии в возвышенном образе «отсветов былого», переводя манерную юношескую жалобу на более высокий уровень художественного обобщения.

Стихотворение, подписанное инициалами *А. П.*, можно было бы посчитать подражанием лермонтовскому «Выхожу один я на дорогу...»: совпадают и размер (5-стопный хорей) и образный ряд:

Мгла ночная небо покрывает,
Все темно и сумрачно кругом,
В дальнем небе звезды загорались,
Много звезд на небе голубом [наст. изд. 348].

Но автор не ограничивается простой подражательной переделкой: в финале стихотворения во втором четверостишии он, как представляется, вступает в диалог со своим великим предшественником и развивает идею стихотворения в несколько ином направлении. Надо найти в себе силы идти дальше, вспомнив о юности, о «небе молодых мечтаний».

Ничтожество человека перед природой — всесильной, вечной и непостижимой — такой мотив находим в стихотворении «Шафгаузен». Могучему потоку, гордо несущему свои воды, противопоставляется человек, который пытается мыслью постигнуть этот мир. Торжественное звучание стихов вполне соответствует содержанию.

Стихотворение «Пророк-поэт» является, наверное, самым ученическим по уровню исполнения. Максимальная степень экзальтации и пафоса в сочетании со штампами, а порой и откровенными промахами (лексическими повторами в рифменной позиции, неудачным выбором слов) создают порой комический и пародийный эффект, который вряд ли входил в творческий замысел автора. Впрочем, и в данном случае промахи и неудачи, им совершенные, в известной степени искупаются подлинной радостью версификации, увлеченностью поэтической игрой, которую испытывает автор и которая не может не передаться и читателю.

Наконец, есть в сборнике место и для шуточного «Пустячка», показывающего, что не только душевные страдания и философские поиски могут считаться в лицейской среде достойными для поэзии предметами.

Трудно представить юношеский литературный сборник без темы первой любви, присутствует она и на страницах альманаха. В связи с этим интересно отметить, что его авторы представили эту тему исключительно в прозаической форме, стихотворная любовная лирика оказалась им не близка. Знакомство же с их прозаической трактовкой темы романтических чувств приводит к выводу: наблюдать и описывать развитие этих чувств они предпочитают на некоторой «дистанции», отдаляя их от себя и надежно обеспечивая себе статус наблюдателя тем, что героями их произведений являются отнюдь не юноши, а исключительно молодые девушки.

Рассказ «Моя первая любовь» написан от лица юной Верочки. Это еще один текст — на этот раз прозаический — к которому применимы эпитеты «ученический», «простой», «наивный». Он близок по стилю к типу «сочинений-повествований», характерных для литературного творчества младших школьников [Балашова 2007, 80] и больше всего похож именно на упражнение в написании связного повествовательного текста.

Но тема первой любви может быть вплетена и в более сложное повествование о взрослении, открытии большого мира и настоящей жизни со всей ее неоднозначностью и противоречиями. Этому посвящен рассказ «Маня», автором которого является редактор-

издатель альманаха — Н. Пушкин, воспитанник VI класса. Героиня рассказа — молодая девушка, которая «оканчивает свое воспитание в Смольном» [наст. изд. 348]. Подходит к концу последнее каникулярное лето, настал день отъезда в Петербург. Учиться остается еще год — «и прощайте милые подруги, прощайте классные дамы, уроки, учителя, затворничество и казенное платье! Еще год, а там свобода, веселье, свет, театры, балы, знакомства и визиты» [Там же]. В этом описании мыслей и чувств молодой смолянки, как кажется, не хватает одного элемента — и он незамедлительно появляется: «Сегодня день прощания. Уже со всеми Маня простилась, остается лишь еще кто-то. С этим „кто-то“ тяжелее всего расставаться. И какой вид у него печальный. Милый, дорогой Саша, как ему грустно, как ему жалко расстаться с Маней до будущего года!» [наст. изд. 348]. Такова завязка этой истории. В альманахе опубликован лишь небольшой начальный фрагмент, однако он позволяет сделать несколько замечаний по поводу авторского стиля и манеры. Недостаток событийности (обусловленный тем, что перед нами лишь экспозиция задуманного повествования) и некоторое однообразие приемов (заметна тяга к использованию перечислительных конструкций) не портит общего впечатления от рассказа — по крайней мере настолько, чтобы не отдать должное его достоинствам. Чувствуется, что автор работал над текстом и работал не зря. Повествование выстроено: в нем есть свой ритм, кульминации и паузы, параллелизм между внутренним миром героини и окружающей природой. Видна работа со словом и стремление к точности психологического портрета (для этого как раз и нужны детальные перечисления — они позволяют не упустить ни одного оттенка мысли и чувства). Используя известный ему арсенал художественных средств, автор передает изменение настроения, эмоционального состояния своей героини, придает необходимый драматизм повествованию — и общая картина в результате приобретает цельность и глубину. Вот мы видим Маню снова в деревне. Она уже окончила Смольный институт, однако она грустит. Ее возлюбленный не приезжает, и мечта о счастье, которая окрыляла ее год назад, не воплощается, но превращается в предчувствие его несбыточности. В картине окружающего мира начинают преобладать хмурые осенние краски, появляются ощущение душевной пустоты и раздраженно-мизантропические нотки внутреннего монолога:

В саду как будто тени слишком много, в поле солнце светит слишком ярко. В доме пусто, папенька с маменькой вечно хозяйничают, вечно

заняты, вечно спешат куда-нибудь... разговор с ними как-то прозаичен, все тема одна: жатва, косьба, молоко, суша, дождик, просто невыносимо. <...>

Крестьяне глупы, с ними и говорить-то противно, а не то чтобы лечить, как все время советует маменька [наст. изд. 349].

Каким будет конец этой истории, мы узнать не сможем: этот текст заканчивается многообещающим «До следующего №», однако сведений о выходе следующих номеров обнаружить не удалось.

«Неудачная охота» — последнее художественное прозаическое произведение альманаха; тоже в своем роде «пустячек» (как и шуточное стихотворение с таким названием, см. выше), в основе которого, вероятно, «Записки охотника» И. С. Тургнева, и, безусловно, хорошее чувство юмора самого автора. Особо отметим удавшиеся ему речевые характеристики всех персонажей.

Помимо художественных произведений в альманахе имеется небольшой фельетон под заглавием «Опять благое начинанье...». Из него мы узнаем, что «лицеисты стали устраивать любительские спектакли. Мысль подал и осуществил ее 6-го декабря 1886 года XLVII курс» [наст. изд. 355]. Речь идет о постановке лицеистами «Недоросля» Фонвизина. До сих пор в литературе, посвященной Лицею, об этом спектакле можно было узнать только благодаря его афише, воспроизводимой (без комментариев) в качестве иллюстративного материала [Павлова 2002, 25]. Тем интереснее узнать подробности, которые сообщает нам автор фельетона — с учетом, правда, того обстоятельства, что ему, как и многим взрослым рецензентам и критикам, по-видимому, был свойствен грех субъективизма.

Отзыв о спектакле получился вполне хвалебный, а возможная критика была аккуратно направлена в другое русло так, чтобы заранее отвести возможный удар от тех, кто является объектом похвал — лицеистов XLVII курса: «Все было если и не первого сорта, то во всяком случае гораздо лучше, чем можно было ожидать. Если же некоторые костюмы и не совсем подходили к пьесе, то это уже вина костюмера, а не XLVII курса, сделавшего все, что только было в его силах» [наст. изд. 355]. Однако в конце автор переходит к критической части, а объектом критики становятся лицеисты-старшекурсники, которые «в день 50-летия смерти А. С. Пушкина» собираются играть сцены из «Бориса Годунова». «Что же, мысль хорошая», — одаряет их притворной похвалой наш автор. После чего делает критический выпад: «Но... странно приво-

дить это в исполнение в память о дне его смерти, как бы праздная этот день; не знаем, но надеемся, что старший курс оставит исполнение этого нового благого начинания до более подходящего случая» [Там же]. Этой фразой и завершается фельетон, а у читателя появляется возможность подумать, действительно ли автор руководствовался искренним желанием следить за идеальным соблюдением мемориального этикета или к этому примешивалась изрядная доля чувства соперничества и творческой ревности к старшим воспитанникам. Однако фельетон интересен не только как пример ученической театральной критики, но и как источник сведений о повседневной истории Лицея. Сообщая о постановке «Недоросля» и отмечая особую роль XLVII курса в организации спектакля, автор подчеркивает, что «это был первый пример со времен перенесения Лицея в Петербург» [наст. изд. 355]. И затем, чуть ниже, повторяет утверждение о первенстве XLVII курса, выражая надежду на то, что «он не остановится на этой первой удачной попытке домашнего лицейского театра» [наст. изд. 355]. Этот факт не упоминается в работах, посвященных Александровскому Лицею. Но можно ли доверять данному сообщению (с учетом явной заинтересованности автора фельетона в том, чтобы слава XLVII курса умножилась и «прогремела в веках»)? По крайней мере косвенное подтверждение этой информации имеется. Упоминаний о спектаклях, поставленных лицеистами-александровцами до 1886 г., в литературе, действительно, нет. Кроме того, среди афиш и программ культурных мероприятий (литературно-музыкальных и торжественных вечеров, чтений и т. д.), хранящихся в фонде Музея Александровского Лицея в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (фонд 157), уже упоминавшаяся выше афиша спектакля «Недоросль», действительно, является первой по времени театральной афишей. Отметим также, что в фельетоне имеются сведения, позволяющие датировать составление сборника в целом. «Недоросль» в нем описывается как уже состоявшийся спектакль (приведена и точная дата — 6 декабря 1886 г.), а о сценах из «Бориса Годунова» говорится как о предполагаемой постановке (с датой 24-е января 1887 г.; об этой дате см. примечание к тексту фельетона в наст. изд.). Таким образом, между этими датами и был составлен литературный альманах «Отдых».

Заслуживает комментария заглавие этого текста — «Опять благое начинанье...». Какие «благое начинанья» имеются в виду? Почему здесь употреблено наречие «опять»? Ответить на этот вопрос

позволяют материалы другого рукописного журнала, предшествовавшего «Отдыху» и более известного.

В 1884 г. в Александровском лицее вышел первый номер альманаха под названием «Лицейский мудрец». Он был назван «в память о рукописном альманахе, созданном воспитанниками I курса Царскосельского Лицея» [Пименова 2013, 372] и просуществовал целый год (вышло 4 номера). В предисловии к первому номеру (вместо заглавия стоит дата — «3-го Декабря», в конце текста — инициалы «Г. Д.») в первом же предложении говорится о лицейских «благих начинаниях»: «Среди массы благих начинаний, которыми отмечен нынешний учебный год для Лицея, возникла, между прочим, мысль положить основание периодическому журналу» [Предисловие 1884, 1]. Это же выражение встречаем и в последнем предложении предисловия: «Да, только соединив все наши усилия... мы можем поставить на твердую почву все те шаткие благие начинания, которые отличают нынешний год лицейской жизни от целого ряда длинных, бесцветных, бездеятельных и скучных годов» [Там же, 8]. Наконец, в № 4 «Лицейского мудреца» помещена за подписью «Z.» статья «Значение „благих начинаний“», которая начинается со следующего утверждения: «Как на страницах „Мудреца“, так и в разговорах товарищей слова „благие начинания“ сделались почти синонимами „несбывшихся ожиданий“» [Значение 1884, 57].

Как видим, перед нами, по сути, определение того специфического значения, которое приобрело выражение «благие начинания» в речи лицеистов. И заглавие театрального фельетона в «Отдыхе» является подтверждением тому, о чем пишет автор статьи в «Лицейском мудреце», говоря об этом выражении как о некоей общеизвестной речевой формуле. Несмотря на временную дистанцию (почти 2 года) и на то, что текст фельетона принадлежит младшекурснику, недавно поступившему в Лицей, он, как видим, знаком с этой лицейской «речевой формулой». Не столь важно, каким был источник сведений — номер «Лицейского мудреца», попавший ему в руки, или общение со старшими товарищами. В любом случае перед нами «ниточка» традиции, в данном случае связанная с речевой культурой и являющаяся свидетельством того, что в лицейской среде тема «благих начинаний» была традиционным предметом обсуждения, для которого существовали и специальные языковые обозначения.

Завершается альманах послесловием «От редакции», в конце которого стоит подпись «Ред.», так что его можно уверенно атрибутировать «редактору-издателю» альманаха — Н. Пушкину. В по-

слесловии формулируется цель издания, которая заключается в том, чтобы предоставить возможность всем желающим попробовать свои силы на литературном поприще. При этом подчеркивается, что данная цель является единственной и поэтому неуместно говорить о направлении издания «или о том, что оно будет служить органом для каких-либо взглядов или мнений. Это будет простое собрание случайных произведений наших товарищей, пожелавших в часы отдыха от классных занятий попробовать свои силы в литературном труде» [наст. изд. 356].

Отметим, что автор послесловия обосновывает необходимость своего издательского предприятия не только важностью «литературной школы» для начинающих писателей, но и ссылкой на лицейскую традицию: «Со дня основания Лицея воспитанники его не переставали посвящать свои досуги занятию литературой» [наст. изд. 356]. И эта традиция описывается как живая, действующая, как «предания», переходящие «изустно от одного поколения к другому» [Там же]. Лицейские традиции как понятие и предмет изучения и издание рукописных журналов как часть этих традиций давно стали неотъемлемой темой лицейской историографии (см., например, главу «Из лицейских традиций» в [Павлова 2015, 138–158], многочисленные упоминания в [Павлова 2021], статью «Лицейские журналы» в [ИАЛ 2013, 371–372]). Как видим, свидетельство воспитанника 1886 г. подтверждает правильность такого подхода к описанию лицейской жизни. В некоторых случаях, впрочем, мы имеем дело с тем, что точнее было бы назвать не традицией, а сложным развитием, эволюцией некоторых представлений, выявить которые непросто и для описания которых следует отказаться от готовых схем. Это относится, в частности, к отражению социальной проблематики в лицейской журналистике.

Как известно, «Лицейский мудрец» не прошел мимо злободневных тем. Ряд появившихся в нем материалов даже вызвал неудовольствие начальства, в частности, опубликованное во 2-м номере народническое по духу стихотворение «Три дороги», в котором его автор (он же редактор-издатель «Лицейского мудреца») Д. Киреевский «экспрессивно представил долю русского мужика, в жизни которого есть лишь три пути: разбой на большой дороге, пьянство, помогающее забыть бедность, и, наконец, насильственная смерть» [Пименова 2013, 372]. Но могла ли проникнуть «злоба дня» на страницы альманаха с умиротворяющим названием «Отдых», созданного младшими курсами? По-видимому, на этот вопрос следует дать положительный ответ, хотя и с необходимыми ого-

ворками. Здесь, конечно, не будет ярких и резких манифестов или публицистических высказываний. Но будут короткие ремарки, определенный ракурс рассмотрения, и даже — философское сомнение, смягчающее остроту социальной критики.

Во-первых, нельзя не обратить внимание на процитированный выше фрагмент из «Мани» Н. Пушкина. Расстроенная героиня, которой не милы ни слишком яркое солнце, ни постоянные хлопоты родителей по дому, обращает, как мы помним, свой полный разочарования взгляд и на крестьян, которые оказываются «глупы», так что «с ними и говорить-то противно, а не то чтобы лечить, как все время советует маменька» [наст. изд. 349].

Ремарка короткая, но емкая — именно потому, что находится в составе художественного текста. Рассмотрим, как устроен этот фрагмент. В тексте состояние грусти и тоскливого раздражения главной героини передается с помощью перечислительного периода, состоящего из простых коротких предложений, которые к концу становятся короче и звучат резче: «Рояль не настроен, ноты все те же. Библиотека давно уже знакома, газеты скучны, иллюстрации запаздывают, нового ничего нет». Концовка этой каденции («нового ничего нет»), казалось бы, подводит итог и всему периоду. Однако автор, продолжая развивать тему меланхолического раздражения, нарушает синтаксическое однообразие монотонного перечисления (заметим, в полном соответствии с законами риторики) и делает последнюю синтагму в этом отрывке, посвященном описанию Маниного состояния, распространенной, выделяя в отдельный абзац, можно даже сказать — разворачивая ее в целую историю, участниками которой становятся и неожиданно появляющиеся крестьяне (о которых до этого и речи не было), и маменька, и ее наставления дочери. Значимость этого абзаца обусловлена позицией в тексте (он завершает развитие темы «Маня скучает») и подчеркнута синтаксическим распространением. И это позволяет особым образом расставить смысловые акценты. Раздражение героини, развиваясь, доходит до своей наивысшей точки (близкой к «обиде на весь белый свет»), а его словесной формой становится выпад, имеющий сословную направленность. Тот факт, что совершает его вызывающая симпатию главная героиня, лишь усиливает возникающий здесь в подтексте негативный смысл: мы видим, как тоска и раздражение по поводу тени, солнца и скучных газет переходят во что-то более серьезное и нехорошее, в несправедливую инвективу по адресу тех, кто менее защищен, кто нуждается в помощи.

Молодой автор почувствовал, что здесь не следует заниматься прямым морализаторством и не делает никаких осуждающих комментариев. Он представил противоположную точку зрения по-писательски тонко, сделав ее выразителем мать главной героини, советующую дочке крестьян лечить. Все это в целом помогает выстроить и художественную логику финала, в котором мать и дочь (в чьих отношениях, кажется, вот-вот может появиться трещина) находят взаимопонимание — в сцене, не лишенной сентиментальности, но наполненной теплыми человеческими чувствами [наст. изд. 350].

Другой подход к литературному представлению социальной проблематики мы видим в рассказе «Прежде и теперь». Автора интересует не вопрос об отношении к народу или к власти, а сравнение жизни «старой» и «новой» (читай — пореформенной). Порокам современной жизни противостоит описанная с любовью старина, старинное житье. Оно не идеализируется, но ностальгия по ушедшим временам создает драматическое напряжение, которое разрешается в концовке — философской по тональности и вместе с тем тревожной: «Жизнь смела все старое с его хорошим, но будет ли новое лучше — Бог весть!» [наст. изд. 347].

Все вышесказанное позволяет сказать: редактор альманаха «Отдых» трудился не зря, и его издательская программа — предоставить всем желающим возможность для первых литературных опытов — принесла свои плоды. Мы получили в свое распоряжение интересные материалы, он приобрел ценный творческий и жизненный опыт. К сожалению, о самом Н. Е. Пушкине известно не много. В списке выпускников в «Памятной книжке лицейстов» 1911 г. его имя не значится, таким образом, полного курса он не окончил. В «Памятной книжке» на 1886 г. его имя («Пушкин, Николай») включено в список воспитанников VI класса, указан также возраст к 1-му января 1887 г. (16 лет и 2 месяца) [ПК 1886, 17 (3-я паг.)]. Этим ограничиваются сведения о Н. Пушкине в официальных изданиях Лицея. Дополнительную информацию о нем можно обнаружить в документах фонда 11 («Императорский Александровский Лицей») Центрального государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (ЦГИА СПб). В прошении «состоящего в IV классе статского советника» Евгения Алексеевича Пушкина, поданном в Совет Императорского Александровского Лицея, читаем: «В число воспитанников 2-го отделения приготовительного класса Императорского Александровского Лицея желаю я определить сына моего Николая, которому от роду к 1-му января 1884

было 13 лет и 2 месяца, с тем чтобы при переходе в Лицей он был принят на собственное содержание» [О приеме воспитанников, л. 341-341 об.]. Прошение датировано 10-м января 1884 г. В «Именном списке своекоштных воспитанников 1885 г.» находим лицеиста Николая Пушкина и сделанную напротив его имени запись: «Переведен в Лицей в мае 1886 г.» [Отчеты, л. 43]. В «Список воспитанников 1886 г.» Николай Пушкин первоначально был включен, однако строчка с его именем зачеркнута — свидетельство того, что он был отчислен [Списки воспитанников, л. 7 об.]. В «Именном списке своекоштных воспитанников за 1888 г.» он уже не числится [Сведения к отчету, л. 38]. Перечисленные факты хорошо согласуются со сведениями в альманахе и «Памятной книжке» на 1886 г., где указано, что Н. Пушкин является воспитанником VI класса. Действительно, если Н. Пушкин был принят во 2-е отделение приготовительного класса в 1884 г. (в соответствии с поданным прошением его отца), то после 2-летнего обучения в нем и успешного прохождения испытаний в мае 1886 г. он должен был быть переведен в VI, т. е. самый младший (после приготовительного), класс Лицея. В статусе воспитанника VI класса он и встречается декабрь 1886-го (время составления альманаха). Когда и по каким причинам Н. Пушкин был отчислен из Лицея, сказать затруднительно: таких сведений обнаружить не удалось.

Но его фамилия порождает еще один вопрос: не является ли он потомком великого поэта? Заметим, что этот вопрос интересовал и С. А. Венгерова, о чем свидетельствует его собственноручная запись, сделанная в черновой машинописи «Предварительного списка...»: «кажется, правнук А. С. Пушкина?» [Венгеров, л. 366]. На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Лицеисты — потомки поэта и их судьбы, драматичные, а порой трагичные — известны [Павлова 2015, 188–192]. Нашего героя среди них нет. Отметим также, что и более общая связь с дворянским родом Пушкиных представляется крайне маловероятной: его отец, Евгений Алексеевич Пушкин, ставший в конце своей карьеры сенатором, происходил «из мещан» [Сенаторы 2017, 127] и потомственное дворянство получил за выслугу чинов на гражданской службе. Однако заметим: вряд ли однофамилец великого поэта, ставший в 1886 г. воспитанником Лицея, не ощущал значимости двойного совпадения фамилии и места. И не исключено, что посредством своей творческой инициативы — издания альманаха — Н. Пушкин стремился превратить это совпадение в нечто большее, устанавливая связь — не родственную, а духовную — с тем, чье имя сплыва-

ло «воспитанников разных поколений в единую семью» [Павлова 2002, 90].

Сведениями о его дальнейшей литературной деятельности мы не располагаем. По-видимому, издание альманаха «Отдых» стало первым и последним его делом на литературном поприще. Однако не будет преувеличением сказать, что он успел вписать свое имя в литературную историю Лицея.

Ниже мы публикуем тексты, вошедшие в альманах «Отдых», за исключением рассказа «Моя первая любовь» и стихотворения «Пророк-поэт». Замеченные описки исправляются в тексте, фактические ошибки оговариваются в примечаниях, языковые ошибки или случаи сомнительного употребления форм воспроизводятся и сопровождаются пометой «sic!» или оговариваются в примечаниях.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ «ОТДЫХ»

После грозы

Гроза прошумела. Рассеялись тучи.
Я к озеру вышел. Дышалось легко,
И волны о берег плескались певуче,
И гром рокотал далеко, далеко...
И воздух, недавней грозой освеженный,
Ласкался и млел. От блаженства дрожа,
Я понял тогда — я больной, утомленный,
Что жить еще стоит, что жизнь хороша!

Прежде и теперь (Из семейных преданий)

Если бы кому-нибудь захотелось охарактеризовать нашу современную жизнь и определить ее колорит, то ему бы пришлось выбрать серый свет (sic! — *К. Л.*). Начиная с чисто внешнего — с наших платьев, мы все имеем серенький вид, от серо-жемчужного до серо-стального. Что касается до современных построек, живописи или музыки, отличающейся отсутствием всяких мелодий, но зато наполненной всякой путаницей и мудреными сочетаниями аккордов — все это серо, дико, неприглядно и как-то, несмотря на свой колер, бесцветно. Глаз как-то пригляделся ко всему, и притом наша нервная система так однообразно настроена, что нам кажется, что время ползет невозмутимо день за днем, сегодня как вчера, а завтра, наверно, будет равняться сегодня.

Не так было прежде! Мы не говорим о временах Древнего Рима или крестовых походов, — нет, даже пятьдесят лет тому назад жилось куда как разнообразнее в сравнении с нынешним. Чтобы не быть голословным, приведем хотя бы пример из сохранившейся изустной семейной хроники, и спросим вас — сверстников наших, видели ли вы где-нибудь подобную жизнь в настоящее время.

Вы скучаете в деревне. Лошади давно застоялись, вам хочется прокатиться и вы, приказав заложить пару, едете к ближайшей соседке вашей Прасковье Ивановне. Быстро пробежали мимо вас уходящие в синеющую даль поля, быстро перелетели вы через дрожащий и грохочущий мостик, под которым, шумя и пенясь, бежит мелкая степная речка; наконец, перед вами мелькнула на горизонте липовая роща вашей милейшей соседки. Вы въезжаете во двор. Со скрипом отворяются ворота, несколько кудластых дворняжек бросились с отчаянными воплями на экипаж, к немалому неудовольствию пристяжной. Дом как будто вымер. Проходит какая-то баба с ведром в руках и низко кланяется. С некоторым усилием отворяете вы дверь и входите в переднюю. Заспанные лакеи кубарем скатываются с ларей и с неудовольствием смотрят на нарушителя их покоя. Двое бросаются снимать шинель. Третий хриплым голосом докладывает уже барыне. Вы проходите через гостиную с громадными диванами, по мягкости своей напоминающими те подушечки для булавок, которые бывают у дам (они обыкновенно набиты песком), с запыленными зеркалами, зеленоватыми стеклами в окнах и восковыми цветами на подоконниках. По углам кое-где видна паутина, ковер домашней работы покрывает пол, ряды высоких стульев пугливо жмутся по стенам, а за ломберным столом сидит она — милейшая и всегда отменно любезная хозяйка. Неизменный ридикюль в ее руках; она смотрит на вас укоризненно и делает вам упреки, что забыли ее. Прикладываетесь к ручке и садитесь. Вы начинаете вести разговор о хозяйстве, о скандале в ближайшем уездном городе, о перемене исправника, изредка по забывчивости взглядываете на бронзовые часы, стоящие на гипсовой полочке, которые уже сколько лет все показывают 35 минут второго. Вы думаете скоро уехать, не тут-то было! Зовется мальчик, которому, в скобках заметим, лет под шестьдесят, приказывают отпрячь лошадей и — вы в неволе. Вы обедаете, мирно располагаетесь перекинуться со старушкой в картишки, как вдруг — тройка, другая, третья — и пошло...

Десятка два офицеров близь стоящего гусарского полка, столько же барышень; кто-нибудь садится за «кислое», на высоких

худых ножках фортепяно. Гремит лихая мазурка, звенят шпоры, краснеют личики дам и девиц — и всем весело. Затем стелют в какой-нибудь отдаленной комнате на пол сено, и господа офицеры спят до утра, когда их будят, и они, как стая испуганных птиц, летят в лагерь. На сегодня назначен смотр. Маневрируют гусары без усталы, наконец передышка. Огромная карета Парасковьи Ивановны уже тут как тут. С громом раскрываются ступеньки, обе дверцы открыты, и офицеры один за другим входят в одну дверку, прикладываются к ручке и, выпив приготовленную рюмку водки и закусив пирожком, выходят в другую.

В это время звучит труба, перемена построений, и карета Парасковьи Ивановны, попав в середину эскадрона, мчится во весь опор...

Так-то жилось в старину! Были и темные стороны, но кто старое помянет... Странно только то, что с развитием цивилизации темных сторон старого времени осталось почти столько же, а светлых нет! Как все изменилось: куда исчезли барские усадьбы? на месте их шумит и светит грязно-красная фабрика с высокими трубами. Исчезли заповедные рощи под ударами безжалостного топора, и между седыми пнями мчится и грохочет поезд... Из окна вагона выглядывает бюрокрад (sic! — *К. Л.*) чиновник, прямой контраст прежним помещикам. Он смотрит и смеется над прежним. Да разве он может понять жизнь так, как ее понимали! Куда ему! Жизнь смела все старое с его хорощим, но будет ли новое лучше — Бог весть!

Юнкер Тесаков.

Как румянаго заката
Тонет луч во тьме ночной —
Так уходят без возврата
Годы юности молодой!
Стынет кровь; уходят силы;
Гаснут пылкия мечты;
В сердце сходит хлад могилы
И унынье пустоты!
Иногда лишь на мгновенье,
Как чудесное виденье,
Из-за облака густого
Светят образы былого!

P. R.

Мгла ночная небо покрывает,
Все темно и сумрачно кругом,
В дальнем небе звезды загорались,
Много звезд на небе голубом.
Если жизни мгла тебя застелет,
Если в сердце сумрачно твоём, —
Вспомни небо молодых мечтаний —
Много звезд на небе голубом.

А. П.

Маня
(Рассказ)

I.

Маня оканчивает свое воспитание в Смольном. Еще год, еще один только год, и прощайте милые подружки, прощайте классные дамы, уроки, учителя, затворничество и казенное платье! Еще год, а там свобода, веселье, свет, театры, балы, знакомства и визиты. Нет уж более казенных скучных физиономий, мрачных стен и коридоров, общих столов и классов. Но еще год, длинный год впереди. Ах! еще год... Тетушка Ольга завтра же отвезет Маню в монастырь.

Сколько слез остается еще пролить, а сколько их уже пролито тайком. Боже мой, как не хочется ехать в этот отвратительный Петербург. Как жалко оставить милый тенистый сад, приволье и простор полей, гулянье и катанья, а Махмед Долгогривый? Да перечесать ли все то, что остается позади, с чем надо проститься до будущего года. Сегодня день прощания. Уже со всеми Маня простилась, остается лишь еще кто-то. С этим «кто-то» тяжелее всего расставаться. И какой вид у него печальный. Милый, дорогой Саша, как ему грустно, как ему жалко расстаться с Маней до будущего года! Как он старается скрыть это, показаться мужественным, терпеливым и любящим. И ему остается только год. Он будет инженером, будет строить храмы, дворцы; она будет его женой и будет гордиться его славой. Как они прелестно заживут вместе. У нее будут лошади и экипажи, ливреи, будуар, жур-фуксы, ложа в итальянской опере. Ах, как это будет мило. Но еще год. Как трогательно было прощанье с ним! Сколько клятв, сколько уверений было произнесено с обеих сторон. Как сильно жались руки, как сильно бились сердца.

Наконец, настал час разлуки. Тетя Оля сидит уже в коляске, пора ехать.

— Прочтите, когда я уеду, — говорит скороговоркою, пожимая Саше руку, Маня. — Это вам на память. Прощайте, мама!

Красавица Маня уехала. Долго еще стояла на крыльце мать, провожая влажными глазами и крестным знамением свою дочку.

— Ну, до будущего года, матушка, успокойся, — утешал ее муж.

«Ах, до будущего года», — повторял за ним мысленно Саша. И убежав в уединенное место на берегу пруда, туда, откуда еще не далее, чем вчера они вместе любовались природою и закатом солнца, он разжал свои пальцы и развернул дорожную записочку и прочел: «Милый Саша! — писала Маня. — Любила, люблю и буду любить тебя вечно. Твоя Маня». Много тысяч поцелуев досталось бесценной записочке. Она нашла приют у Саши в сердце и на сердце его. Точно таинственный, чудесный талисман, она не переставала вливать роскошь и негу в его душевное. Она точно фонограф хранила вверенные ей слова и повторяла Саше: «Твоя Маня, твоя на век!».

II.

Год прошел, мечтам пришла пора воплощаться. Красавица Маня вернулась в свое гнездышко. Саши нет, он за границей. Но и он вернется вскоре и тогда... Тогда Маня сделается его женой. Нет уже более препятствий, год прошел. Впереди дорога к венцу свободна и чиста, ничто поперек ее не ложится (sic! — К. Л.), она уже заранее усыпана цветами, вот и до цели ее близко, близехонько, лето на исходе, а Саша все не едет.

Мане становится скучно. Теперь уже нет надобности наслаждаться так торопливо, как прежде, роскошью сельской природы. Теперь настало время бессрочных каникул. Гуляй сколько хочешь!

Скучно Мане. В саду как будто тени слишком много, в поле солнце светит слишком ярко. В доме пусто, папенька с маменькой вечно хозяйничают, вечно заняты, вечно спешат куда-нибудь: отец на гумно или на поле, мать в кухню или девичью, разговор с ними как-то прозаичен, все тема одна: жатва, косьба, молоко, суша, дождик, просто невыносимо. Рояль не настроен, ноты все те же. Библиотека давно уже знакома, газеты скучны, иллюстрации запаздывают, нового ничего нет.

Крестьяне глупы, с ними и говорить-то противно, а не то чтобы лечить, как все время советует маменька. Ах! Хотя бы Саша поскорей вернулся. Но вот и осень настала, а его все нет. Ах, в Смольном

было веселее. Что делают теперь подруги в это время? Теперь шесть часов, младшие, верно, бегают, хохочут, дразнят какую-нибудь ротозейку, да оглядываются, не идет ли Александра Максимовна, классная дама. Старшие смотрят и смеются или готовятся к урокам к завтрашнему дню, да толкуют про учителей, как они спрашивают, как они стараются напустить на себя важность, а между тем не могут воздержаться от улыбки. Маня сожалеет о том, что она уже не услышит звонкого хохота подруг, а прогос всех этих замечаний и сама не бросит лепты в общую копилку острот и шуток. Прошли милые времена! Да, Маня с удовольствием вернулась бы в Смольный. Там вечная весна, вечно цветущие лица, вечный шум и говор, а здесь тишина, спокойствие; даже слишком много спокойствия и однообразия. Фу, какое однообразие!

Одно только утешение — это письма Саши. В последнем своем письме Саша пишет, что его будущее зависит от его пребывания за границей. Ему необходимо посетить и изучить некоторые замечательные здания и постройки, необходимо видеть на практике результаты трудов его известнейших собратьев (sic! — К. Л.) по искусству, он уже видел много, но остается видеть еще больше.

В один мрачный, скучный день Маня сидела у себя в комнате и горько плакала. На дворе потемнело совсем, дождь хлестал в стекла, а шум воды, стекавшей по водосточной трубе, наводил уныние.

— Маня, голубчик, отчего у тебя так темно и ты не прикажешь подать себе огня? — спросила, входя к ней, мать.

— Ах, мамаша! — бросаясь к матери на грудь, вскрикнула Маня. Рыдания заглушали ее слова, слезы струились по ее свежим щечкам, грудь волновалась, словно ей воздуху было мало.

— Дитя мое дорогое, что ты? что с тобой?

Прослезилась и мать. Долго она успокоивала дочку, долго ласкала и голубила ее, расспрашивала, утешала и целовала, ничего не могла добиться. Наконец, после многих просьб, истощив весь запас самых ласкательных имен, выражений и догадок, она спросила:

— Да не хочешь ли ты ехать в Петербург, ты бы вот у тети Оли провела зиму, она зовет тебя.

Чуть слышным шепотом последовал ответ:

— Да!

Н. Пушкин.

Шафгаузен⁶

Гремит он и воеет, и с силой несется,
В пучину, как зверь, он из клетки бежи[т]⁷.
Он стонет, он плачет, и в пену он рвет[ся],
И, в ярости, роет и точит гранит.
Уж многие годы здесь с камнем он бьет[ся],
Далеко слышна вековая борьба.
И камень за камнем ему поддается,
И падает с стоном в объятия врага.
Красавец, ты гордо несешь свои воды,
Могуч ты, как лев, и велик ты, как царь!
Мыслитель, ведь ты пред ним парий природ[ы],
Ведь ты пред ним мелкая, жалкая тварь.
И думаешь право, зачем мы страдаем[?]
К чему тут за жизнь вековая борьба[?]
Ведь вот, мы живем, а потом умираем,
И память сотрется о нас навсегда.

В. С — ь.

Неудачная охота⁸

(Из моих воспоминаний)

— Бывал я в вашем уезде, места все знаю хорошо, хорошие места, а все не то, что у нас; будет свободное времечко, загляните в нашу деревеньку, уж не обездольте, мы вас потешим насчет охоты-то, — так говорил мой знакомый деревенский староста Степан, страстно любивший «умные» слова, приглашая меня на охоту в свою деревню.

Как только настало именно свободное для охотника время, то есть никакой дичи, кроме уток, не было, я поехал к нему.

В самый день моего приезда, когда я приводил в порядок свои охотничьи принадлежности, вошел ко мне Степан и, поздоровавшись со мной, спросил: «А что, барин, вы стреляете уток-крякушечек? А то вот у нас недавно господа приезжали, знатные господа, вальяжные такие, и походка-то у них гусиная, стало быть, в развалки, а промеж себя все на хранцузском гуторят и меня все этак смеясь кличут, чтобы я чаю подавал. „Дони ти“. Ну, а я и ташу им этого чаю, приучен уж был, значит. Ну, так вот, они, окромя длинноносеньких куличков, ничаво не стреляли».

Я сказал, что уток стреляю и начал его расспрашивать об здешней охоте.

— А много их у вас, уток-то, где же они водятся: по реке больше?

— Никак нет-с, все больше на озерах; по реке оченно даже мало, а на озерах кишмя кишит беспардонно.

— Да ведь на озерах-то утки строги, как к ним подойдешь?

— Да уж, барин, надо сноровку.

— Ну ладно, завтра мы увидим, сколько у вас хваленой дичи.

— Так, стало быть, завтра вас чуть свет будить и чаю приготовить.

— А знаете что, барин, — прибавил он, помолчав. — Коли на охоту идти хотите, так вам непременно надо познакомиться с Ляксанычем, а то одним-то не сподручно.

— А кто этот Александрович?

— А это наш учитель, из духовных он, в дьячках был, парнишек наших учит; ну вот, он тоже эту охоту уважает. Ну, так я его завтра пришлю, а теперь до свиданья-с, к барыне пойду, к помещице.

На следующий день, часа в четыре утра, разбудил меня Степан, сказав, что Александрович меня дожидается. Я попросил его позвать. В дверях показалась длинная, худая фигура в каком-то бесцветном не то балахоне, не то в халате и в больших охотничьих сапогах; в руках он нес двух убитых утят. Он поклонился и начал, по-видимому, заранее приготовленную речь:

— Так как мы, следовательно, были наслышаны о вашем приезде в наши палестины и также были наслышаны, что не гнушаетесь, как иные прочие господа, принять от скромных трудов моих, то позволяйте вам преподнести.

И он положил дичь на стол. Я поблагодарил, попросил его садиться и предложил ему чаю, но, к моему удивлению, он отказался:

— Без благовремения никак-с невозможно, а вот если можно по-охотнички порошку бы, так я бы премного благодарен остался.

Я дал ему целую бутылку, уж очень мне хотелось задобрить этого охотника, которого мне расхваливал Степан.

После такого подарка он перестал меня стесняться, бросил свои напыщенные фразы, но зато стал чаще прибавлять кстати и некстати «следовательно, и с Божиею помощью и пропади оно пропадом» и попросил показать ему свое ружье. Я показал ему свой «Скотт», он с радостью стал рассматривать его, к чему-то посмотрел в дуло и подул в него, щелкнул курком, вообще радовался, как маленький ребенок.

— А далеко оно, с позволения сказать, бьет? — спросил он.

Я сказал, что бьет на 60 сажень.

— Что вы, что вы, да на 60-то сажень моя фузея с Божиею помощью пухает.

Я попросил в свою очередь показать мне его фузею.

— С моим громаднейшим удовольствием-с. Мое-то так себе ружьецо, лядящее, только тяжело больно, а хлопает ничего себе, пропади оно пропадом.

Он принес ружье. Я взвесил его на руке. Крик удивления вырвался из моей груди.

— Ничего чувствительно! Да как вы его носите целые дни, ведь оно весит около пуда.

— Да-с, пропади оно пропадом, иногда очень даже чувствительно, все руки оттянет.

— Оно у вас заряжено?

— Как же-с, обязательно.

— Можно попробовать его бой?

— Сделайте-с ваше одолжение.

Пошли пробовать. Я наклеил на амбар почтовый лист бумаги, но сам стрелять не решался, а попросил Александровича; он прицелился и выстрелил на расстоянии 100 шагов.

Я пошел полюбоваться удачным выстрелом и позвал с собой Александровича:

— Александрович, идите посмотреть, как оно ударило, — сказал я.

— Сейчас, дайте только отплююсь-с, а то все зубы выбило проклятое, отдает очень, пропади оно пропадом.

Обедать со мною он отказался, он был верен дьячковской субординации, по которой с господами за столом сидеть подобает только священникам и дьяконам.

— Не подобает нам с вами обедать-с, а вот на кухне у Степана Вавилыча с великим моим удовольствием, если позволите, вкушу от благ земных.

— Ну, водки не хотите ли?

— Вот это-с чудесно, только не подумайте, я ей не пристрастен, ей-богу-с, пропади она пропадом.

После обеда я зашел к Степану за Александровичем. Мы пошли с ним к реке, с высокого берега которой была видна небольшая стайка уток.

— Вот они, стреляйте, — сказал мне он.

Уверенный в дальнобойности ружья Александровича, я отдал ему свое и, вооружившись пудовой пищалью, выстрелил. Вдруг

из глаз моих посыпались искры, щеки опухли и из зубов показалась кровь.

— А чтоб вас черт побрал вместе с вашим проклятым ружьем, — крикнул я.

Между тем Александрович преспокойно разделся и полез в воду за утку. Я стал полоскать свои несчастные зубы, как вдруг из тростника, покрывавшего берега, раздался возглас:

— Экая оказия, что это утки не летят, пропади они пропадом.

Затем все замолкло и видно было по колыхающемуся тростнику, что Александрович поплелся дальше. Наконец, он вернулся, но с очень сконфуженным лицом, бормоча себе что-то под нос, и без утки.

— Что с тобой, Александрович? — спросил я его.

— Да што-с, ничаво, какую утку-то вы убили, а?

Я не мог равнодушно видеть его строгого лица и расхохотался.

— Да помилуй, Александрович, какую утку убил — дикую!

— Да нешто это дикая утка-то, отца ведь дьякона сердешная, вот мать дьяконица задаст уж вам.

— Да как же ты, хваленый охотник, не отличил дикую утку от домашней?

Александрович обиделся. Я поспешил успокоить его, дал ему денег, чтобы заплатить за утку и пошел домой лечить не на шутку разболевшиеся зубы. Александрович, очень недовольный мною, не говорил всю дорогу.

В деревне я пробыл еще дня два и, наконец, уехал, так как получил из дому письмо, что готовится большая облава с двумя выписанными псковичами⁹ и больше никогда уж не возвращался в «хваленя» места Степана.

Да, хорошо было ружье Александровича, и как это он терпит его...

А. Веденяпин.

Пустьячек

Однажды розы лепесток
Девица сорвала
И в рот его взяла.
Тут фронт,
Идущий рядом с ней,
Заметил метко:

— Сударыня, вы — самоедка!

И. А.

Опять благое начинанье...
(Фельетон)

Благие начинанья в Лицее не прекращаются. Теперь лицеисты стали устраивать любительские спектакли. Мысль подал и осуществил ее 6-го декабря 1886 г. XLVII курс. Это был первый пример со времен перенесения Лицея в Петербург. Шел «Недоросль» и, можно признаться, сошел весьма и весьма удачно. К большей (sic! — *К. Л.*) чести XLVII курса служит то, что в постановке спектакля участвовали они одни без посторонней помощи. Впрочем, насколько нам известно, им помогали советами Н. Н. Гераков и Я. Г. Северский. Особенно выделялись в спектакле: Простава — М. П. Гембиц, Кутейкин — Н. В. Муравьев, Скотинин — С. С. Хрипунов и Еремеевна — Н. Н. Осипов. Чего нельзя было ожидать — это такого ансамбля. Никто не портил (sic! — *К. Л.*), пьеса шла живо, несколько не натянуто. Надо также отдать должную честь декорациям и костюмам. Все было если и не первого сорта, то во всяком случае гораздо лучше, чем можно было ожидать. Если же некоторые костюмы и не совсем подходили к пьесе, то это уже вина костюмера, а не XLVII курса, сделавшего все, что только было в его силах. Можно надеяться, что он не остановится на этой первой удачной попытке домашнего лицейского театра.

В антрактах играл оркестр, составленный из лицеистов, под управлением Э. Ю. Нагеля. Д. Д. Агренов играл на скрипке соло и играл с таким чувством и так хорошо, что его единодушно заставили повторить эту прелестную вещь.

Мы слышали о предположении старшего курса играть 24-го¹⁰ января, в день 50-летия смерти А. С. Пушкина, сцены из «Бориса Годунова». Что же, мысль хорошая, кому же, как не нам, однокашникам Пушкина, чтить его память постановкой на сцене его сочинения. Всячески чтить великого поэта — наша постоянная и неизменная традиция. Но... по крайней мере странно приводить это в исполнение в память о дне его смерти, как бы празднуя этот день; не знаем, но надеемся, что старший курс оставит исполнение этого нового благого начинания до более подходящего случая.

От редакции

Выпуская первую книжку нашего журнала, мы считаем необходимым прежде выпуска следующего номера объяснить с нашими читателями о цели и задаче предпринятого нами издания. Эта цель и задача очень просты. Со дня основания Лицея воспитанники его не переставали посвящать свои досуги занятию литературой; по преданиям, живущим в стенах нашего заведения и переходящим изустно от одного поколения к другому, основание этому хорошему обычаю было положено незабвенной памяти воспитанника¹¹ (sic! — *К. Л.*) первого выпуска, составившим себе столь знаменитое имя в истории русской литературы: после него Лицей воспитал многих полезных деятелей на литературном поприще. Из этого казалось бы следует, что не все первые шаги при литературных занятиях лицеистов остались и последними; во всяком случае не подлежит сомнению, что для первых опытов должна быть предоставлена возможность, а что выйдет из этого впоследствии — показать может только будущее. Руководствуясь исключительно этими соображениями, мы не сомневаемся в пользе всякого ученического журнала и думаем, что наши товарищи отнесутся сочувственно к этой единственной цели, руководящей нами при издании нашего сборника. Никаких других задач мы не преследуем, а потому считаем неуместным говорить о направлении нашего издания или о том, что оно будет служить органом для каких-либо взглядов или мнений. Это будет простое собрание случайных произведений наших товарищей, пожелавших в часы отдыха от классных занятий попробовать свои силы в литературном труде. Если мы не ошиблись в избрании нашей цели, то наши товарищи поддержат нас не столько подпискою на издание, сколько, главным образом, сообщением нам своих трудов, долженствующих послужить материалом для последующих выпусков нашего издания.

Ред.

Примечания

¹ О «Предварительном списке...» см. [Хохлова 2014].

² Выражаю глубокую благодарность за уточнение сведений об альманахе ведущему научному сотруднику Всероссийского музея А. С. Пушкина Марине Витальевне Бокариус и хранителю фонда редкой книги Музея Елене Валерьевне Субботиной.

³ Так в "Содержании". В подписи под рассказом иначе: *И. Е. М.* Три инициала могли бы отражать полную форму имени (с отчеством), но таких

соответствий ни для *Н. Е. М.*, ни для *И. Е. М.* в списках лицейстов нет. Однако известно, что в приготовительном классе учились два брата с фамилией "Миллер": Николай и Евгений [ПК 1886, 18 (3-я паг.); О приеме 1885, л. 329 об.]. Сокращение *Н. Е. М.* может отражать их коллективное авторство: два первых инициала обозначают имена, буква *М* - фамилию.

- ⁴ Так в подписи под стихотворением; в «Содержании» написано *S-a* (вероятно, имеется в виду написание фамилии латиницей, но в форме родительного падежа с кириллической буквой «а» на конце).
- ⁵ Здесь и далее тексты альманахов цитируются по настоящему изданию.
- ⁶ Шаффхаузен (Schaffhausen) — название города и кантона в Швейцарии; впрочем, в стихотворении описывается Рейнский водопад, хотя и находящийся рядом с городом, однако не носивший название «Шаффхаузен».
- ⁷ Здесь и далее в стихотворении утрата букв и пунктуационных знаков в конце строк по краю листа восстанавливается по смыслу.
- ⁸ В речи персонажей сохраняются написания и орфографические особенности источника, передающие речевую характеристику.
- ⁹ Имеются в виду егеря, применявшие особый способ облавы, изобретенный в Псковской губернии (отсюда и название «псковичи»).
- ¹⁰ Ошибочно вместо: «29-го»; вероятно, механическая ошибка переписчика.
- ¹¹ Скорее всего, в результате механической ошибки переписчика вместо «воспитанником». На то, что слово должно было стоять в творительном падеже, указывает согласованная с ним форма «составившим» (см. в этом же предложении ниже по тексту).

Литература

Источники

Венгеров — Венгеров С. А. Предварительный список (Попов А. Ф. — Пятницкий А. П.) // РО ИРЛИ. Ф. 377 (Венгеров Семен Афанасьевич (1855 — 1920), историк русской литературы, библиограф). Оп. 3. Ед. хр. 23.

Значение 1884 — З. Значение «благих начинаний» // Лицейский мудрец. 1884. №. 4. С. 57–60.

Императорский Лицей 2011 — Императорский Лицей в памяти его питомцев: Александровский Лицей (1844-1918) / Сост., вступ. статья, прим. С. В. Павловой. СПб.: Наука, 2011.

О приеме воспитанников — О приеме воспитанников за 1883 и 1884 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 11 (Императорский Александровский Лицей). Оп. 1. Д. 1166.

О приеме 1885 — О приеме воспитанников за 1885 и 1886 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 11 (Императорский Александровский Лицей). Оп. 1. Д. 1185.

Отчеты — Отчеты за 1885-1886 и 1887 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 11 (Императорский Александровский Лицей). Оп. 1. Д. 445.

ПК 1886 — Памятная книжка Императорского Александровского Лицея на 1886 г. СПб., 1886. Приложения. Воспитанники Императорского Александровского Лицея.

ПК 1911 — Памятная книжка лицеистов. 1811 — 19 окт. — 1911. СПб., 1911.

Предисловие 1884 — Г. Д. [Предисловие]. 3-го декабря // Лицейский мудрец. 1884. № 1. С. 1–8.

Сведения к отчету — Сведения к отчету за 1888 г. // ЦГИА СПб. Ф. 11 (Императорский Александровский Лицей). Оп. 1. Д. 451.

Сенаторы 2017 — Сенаторы Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, 1866-1917 гг.: Краткий биографический справочник / Сост. и авт. вступ. статьи О. Ю. Шиловост. М.: Статут, 2017.

Списки воспитанников — Списки воспитанников Лицея // ЦГИА СПб. Ф. 11 (Императорский Александровский лицей). Оп. 1. Д. 1195.

Исследования

Балашова 2007 — Балашова Ю. Б. Школьная журналистика Серебряного века. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007.

ИАЛ 2013 — Императорский Александровский Лицей: лицейская энциклопедия / [сост.: С. М. Некрасов и др.; под общ. ред. д. культурол., проф. С. М. Некрасова]. СПб.: Logos, 2013.

Павлова 2002 — Павлова С. В. Императорский Александровский (бывший Царскосельский) Лицей. СПб.: Паритет, 2002.

Павлова 2015 — Павлова С. В. Лицей и лицеисты. М.: Гелиос АРВ, 2015.

Павлова 2021 — Павлова С. В. Императорский Лицей: очерки истории. М.: Гелиос АРВ, 2021.

Пименова 2013 — Пименова Н. А. Лицейский мудрец // Императорский Александровский Лицей: лицейская энциклопедия / [сост.: С. М. Некрасов и др.; под общ. ред. д. культурол., проф. С. М. Некрасова]. СПб.: Logos, 2013. С. 372.

Смирнов 1901 — Смирнов С. Ученические журналы и сборники // Вестник воспитания. 1901. № 6–9.

Холмов 1978 — Холмов М. И. Русская детская журналистика: (1875–1917): Указ. материалов / сост. М. И. Холмов; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Фак. журналистики. Л.: Б. и., 1978.

Хохлова 2014 — Хохлова Н. А. Может ли быть завершено изданием «Предварительный список русских писателей и ученых» С. А. Венгерова? // Русская литература. 2014. № 4. С. 184–193.

References

Balashova 2007 — Balashova, Ju. B. (2007). Shkol'naja zhurnalistika Serebrjanogo veka [School's journalism of the Silver Age]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta.

Hohlova 2014 — Hohlova, N. A. (2014). Mozhet li byt' zavershen izdaniem "Predvaritel'nyj spisok russkih pisatelej i uchenyh" S. A. Vengerova? [Is it possible to finish and publish "Preliminary list of Russian Writers and Scientists?"]. Russkaja literatura, 4, 184–193.

Holmov 1978 — Holmov, M. I. (1978). Russkaja detskaja zhurnalistika: (1875–1917): Ukaz. materialov [Russian children's journalism (1875–1917). Index of materials]. Leningrad.

IAL 2013 — Imperatorskij Aleksandrovskij licej: licejskaja enciklopedija (2013) [The Imperial Alexander Lyceum: the Encyclopedia of Lyceum] (ed by S. M. Nekrasov). Saint Petersburg: Logos.

Pavlova 2002 — Pavlova, S. V. (2002). Imperatorskij Aleksandrovskij (byvshij Carskosel'skij) Licej [The Imperial Alexander Lyceum]. Saint Petersburg: Paritet.

Pavlova 2015 — Pavlova, S. V. (2015). Licej i liceisty [Lyceum and lyceum students]. Moscow: Gelios ARV.

Pavlova 2021 — Pavlova, S. V. (2021). Imperatorskij Licej: ocherki istorii [The Imperial Lyceum: essays on the Lyceum's history]. Moscow: Gelios ARV.

Pimenova 2013 — Pimenova, N. A. (2013). Licejskij mudrec [The Lyceum's Wise Man]. In S. M. Nekrasov (Ed.), Imperatorskij Aleksandrovskij licej: licejskaja enciklopedija [The Imperial Alexander Lyceum: the Encyclopedia of Lyceum] (pp. 372). Saint Petersburg: Logos.

Smirnov 1901 — Smirnov, S. (1901). Uchenicheskie zhurnaly i sborniki [Pupils' journals and miscellanies]. Vestnik Vospitanija, no 6–9.

Konstantin Lemeshev

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-0185-8749

LYCEUM STUDENTS' LITERARY WORKS IN THE ALMANAC
ОТДЫХ ("LEISURE")

The introductory note to the publication contains the description of a literary almanac *Otdykh* ("Leisure"), the only known copy of which is now kept in the National Library of Russia (Saint-Petersburg), a brief overview of its contents (all written by pupils of the Imperial Alexander Lyceum) and brief biographical information about the "editor-publisher" who signed as "N. Pushkin". Its dating (the almanac was composed in the end of the 1886th — the beginning of the 1887th) is based on information found in one of the articles. Having included N. Pushkin in the *Predvaritel'nyy spisok russkikh pisateley i uchenykh* ("Preliminary List of Russian Writers and Scholars"), Semjon Vengerov supplied the reference dedicated to him with a remark-question: "a descendant of A. S. Pushkin?" A study of the materials stored in the Central State Historical Archive of St. Petersburg leads to a negative answer to this question. The texts in the almanac itself are of varied composition: fiction prose (short stories), lyrical poems, a note on the Lyceum theatre and an editorial *Posleslovie* ("Afterword"). The latter two texts contain interesting details relating to the everyday history of the Lyceum. The literary texts are imitative, which is common in children's literature. At the same time, besides poetic (mostly romantic) stamps and "naive narrative", the works of young authors contain some creative successes, indicating the presence of talent and the desire to develop it.

Keywords: children's literature, student journals and collections, Lyceum handwritten journals, Lyceum traditions, the Imperial Alexander Lyceum, Nicolaj E. Pushkin, Semjon A. Vengerov